

Крёстный отец, явно опешив от этих слов, на миг замер, так и не убрав поддерживающую юношу руку. Затем его ладонь легла на макушку Коу Дуна, мягко пригладив вихор на затылке. В голосе мужчины прозвучала едва заметная усмешка.

— Глупости какие, — тихо произнёс он. — Ты уже взрослый, негоже так ребячиться.

Коу Дун не разжимал объятий, продолжая тихонько всхлипывать. Он прижался лицом к коленям покровителя. Гладкий шёлк сутаны источал тонкий, чистый и прохладный аромат.

Юноша долго молчал.

Крёстный ждал ответа, но, так и не дождавшись, наклонился, чтобы заглянуть воспитаннику в лицо. Тот уже зажмурился — словно тяжесть нахлынувшей тоски оказалась для него непосильной. Мужчина нахмурился, мягко приподнял пальцами его подбородок и заметил, как из-под ресниц юноши беззвучно скатилась одинокая слеза.

Чистая, круглая, она упала точно на колено крёстного, оставив на тёмной ткани влажное пятнышко.

[.....]

[Потрясающе. И почему «Оскар» за лучшую мужскую роль до сих пор не у Коу Дуна?]

Одной этой слезинки хватило бы, чтобы сломить волю крёстного, который вырастил мальчика и дорожил им пуще любого сокровища. Но, поколебавшись, мужчина всё же проявил твёрдость и безжалостно отверг его отчаянную просьбу.

— Не забивай голову глупостями, — негромко произнёс он, пряча взгляд под сенью густых ресниц. — Ступай спать. Время уже позднее.

Это было его последнее слово. Крёстный мягко, но решительно отстранил Коу Дуна, больше не удостоив его и взглядом, и вновь раскрыл лежавший перед ним фолиант.

Коу Дун промолчал.

«М-да. Даже в хоррорах этот тип умудряется оставаться самым несговорчивым NPC»

Спорить он не стал. Скорчив такую мину, словно его только что незаслуженно лишили последней радости в жизни, юноша понуро поплёлся к выходу. Стоило двери за ним закрыться, как он небрежно утёр влажные щёки и мысленно вздохнул.

«Вот видишь... Я же говорил: все мужики — козлы. Ни на одного положиться нельзя»

Система мысленно парировала: «Да уж кто бы говорил об убожестве и ненадёжности! Ты только что пытался сравнить двух ключевых союзных NPC! Человек всего лишь благоразумно отклонил твоё абсурдное предложение».

Впрочем, эта попытка всё же принесла свои плоды.

Пройдя немного по коридору, Коу Дун мысленно проанализировал поведение крёстного и Джимми.

Они явно не были заодно в привычном смысле этого слова. Их союз казался хрупким соглашением, продиктованным какими-то внешними обстоятельствами.

И главным связующим звеном, по мнению Коу Дуна, был он сам.

Дело было не в раздутом эго — просто уровень их симпатии, переваливший за отметку в девяносто пунктов, кричал сам за себя.

А вот эти полуживые, заторможенные слуги, бродящие по замку...

Интуиция подсказывала Коу Дуну, что к их состоянию приложил руку именно Джимми. Прямых улик не было, но внутренний голос упрямо твердил именно об этом.

Именно поэтому он решил начать с крёстного. Тот хотя бы походил на человека, в то время как за смазливой мордашкой щеночка-Джимми явно скрывалось нечто чуждое.

И это «нечто» вряд ли принадлежало миру людей.

Стоило Коу Дуну додумать эту мысль, как в тишине коридора раздался тихий стук. Что-то круглое покатилося по паркету и, глухо стукнувшись о мысок его сапога, остановилось.

Это была спелая, крупная виноградина.

Коу Дун поднял глаза. Тот, о ком он только что размышлял, небрежно подпирал плечом стену. Скрестив длинные ноги, молодой барон вертел в пальцах ещё одну сочную ягоду.

— Братец, — нежно пропел Джимми, облизывая губы. — Хочешь винограда?

Коу Дун пристально посмотрел на него, пытаясь угадать, как долго парень здесь простоял и не подслушал ли его разговор с крёстным.

Однако на лице Джимми не отразилось ни тени подозрения. Не дождавшись ответа, он лениво усмехнулся и принялся неторопливо, крупца за крупцей, сдирать с ягоды тонкую кожицу, обнажая прозрачную, сочащуюся влагой мякоть.

— Что ж, раз ты молчишь, я сам тебя угощу.

— А сам почему не ешь? — внезапно спросил Коу Дун.

— Я? — Юноша удивлённо изогнул бровь, словно услышал несусветную глупость, и покачал головой. — Я такое не ем. Подобные вещи слишком недолговечны.

Он аккуратно очистил ягоду до конца.

— Но винограду хотя бы повезло... Из него можно сделать вино. А хорошее вино способно храниться веками, не зная тлена.

Барон поднял очищенную мякоть на уровень глаз, полюбовался ею в приглушённом свете светильников, а затем протянул к лицу Коу Дуна.

— Что скажешь, братец?

— Я? — Коу Дун тонко улыбнулся и с силой наступил каблуком на валявшуюся у ног виноградину.

Раздался сочный хруст. Из раздавленной ягоды брызнул сок, вылетели мелкие косточки, а на полу осталось лишь бесформенное липкое месиво.

— Я предпочитаю такой исход, — ровным голосом произнёс Коу Дун.

Джимми не разозлился. Напротив, его лицо озарила широкая, искренняя улыбка, переросшая в звонкий смех.

— В этом весь ты! — Он восхищённо захлопал в ладоши. — В этом весь мой милый братец... Крёстный был абсолютно прав. Но увы...

Юноша замолк, и его взгляд стал пугающе бездонным.

— Тебе всё равно никуда не деться. Ты обречён стать нашей вечной невестой.

Коу Дун и раньше слышал подобные речи, но тогда его внимание зацепилось исключительно за слово «невеста». Теперь же до него наконец дошёл истинный, зловещий смысл другого слова.

«Вечной»

Он медленно убрал ногу с раздавленной ягоды. По спине пробежал ледяной сквозняк, оставляя за собой колючие мурашки.

Он вспомнил удушливый, приторно-сладкий аромат увядающих цветов, которыми была усыпана его постель, пачкавших простыни липким соком. Он вспомнил безжизненных, похожих на марионеток слуг, безмолвно бродящих по залам поместья. Вспомнил обрывок записки, вытащенный из щели в стене:

«Демоны жаждут прекрасной плоти, желая сделать её своим самым ценным трофеем.

Чужестранец, под горами драгоценностей сокрыты груды иссохших костей.

Цветы гниения, травы тлена.

В исходе ночи свершится Суд Господень...»

Подсказка была предельно ясной. Не отвлекись он тогда на дурацкую роль «невесты», разгадал бы этот ребус гораздо раньше.

Ладони Коу Дуна мгновенно взмокли от пота. Он не выдержал и мысленно выругался.

«Твою мать... Они что, реально собираются завтра ночью содрать с меня шкуру и сделать из меня марионетку?»

[.....]

Молчание системы прозвучало красноречивее любого подтверждения.

Коу Дун потёр виски и тихо простонал:

— Ну теперь всё сходится. Это действительно грёбанный хоррор.

В каком, скажите на милость, симуляторе свиданий идеальной концовкой считается превращение главного героя в набитую опилками марионетку?!

Перспектива остаться здесь после завтрашнего ужина обрела пугающе чёткие очертания.

Да, крупно же он ошибся. Никакой Джимми не «сладкий щеночек». Он психопат. Настоящий, законченный маньяк, без всяких скидок.

«Раз мне это нравится, оно должно остаться со мной навечно»

Одно дело — законсервировать виноград, превратив его в вино, и совсем другое — зарезать человека и сделать из него марионетку только потому, что он тебе приглянулся! Это же клиника!

Коу Дун сокрушённо вздохнул.

«Парню явно не хватает образования»

Смерть каждого человека имеет свой вес — одна тяжела, как гора Тайшань, другая легка, как лебяжье перо. Неужели этот малолетний маньяк не слышал столь прописных истин?

Ладно Джимми, но крёстный-то куда смотрит? Взрослый же человек, а потакает этим безумным замашкам!

Система наконец подала голос:

[Замечание игроку: приведённые философские концепции не соответствуют историческому сеттингу данного сценария]

Ну ещё бы. На дворе дремучее европейское Средневековье, откуда здешним NPC знать про гору Тайшань!

Коу Дун сокрушённо вздохнул:

— Проклятый феодализм.

[???

Коу Дун лишь махнул рукой и побрёл в спальню. Настроение было паршивым.

Он рухнул на кровать и тут же вспомнил, что эти проклятые бутоны, вообще-то, служат для консервации его плоти...

«А, к чёрту всё»

Юноша улёгся поудобнее, вытянувшись во весь рост. Смысла дёргаться не было. Если суждено выбраться — выберется, а если нет — тут хоть все цветы в комнате сожри, ничего не изменится.

Глубокой ночью, дождавшись, пока замок погрузится во тьму, Коу Дун поднялся. Сверяясь с полученными подсказками, он прокрался в сокровищницу, где хранились фамильные драгоценности.

Обыскав просторную комнату, он без труда обнаружил потайной люк под массивным сундуком. Приподняв тяжёлую крышку, Коу Дун заглянул внутрь. Из темноты на него пахнуло могильным холодом. На дне глубокого подпола громоздились груды человеческих костей. Судя по всему, это были останки тех, из кого так и не удалось изготовить идеальных марионеток — их плоть сгнила, а уцелевшая кожа пошла на подкладку для нарядов в мастерской безумного портного.

Худшие опасения подтвердились.

Коу Дун бесшумно закрыл люк и выскользнул из сокровищницы. Теперь его путь лежал в кабинет крёстного, где тот проводил большую часть дня. Однако едва он перешагнул порог, как заметил на лестнице колеблющийся отсвет факела и услышал тихие, крадущиеся шаги.

Коу Дун замер, лихорадочно соображая, кого из обитателей замка могло понести бродить в столь поздний час. Спрятавшись за широкую колонну, он осторожно выставил карманное зеркальце, чтобы оценить обстановку.

На площадке этажом выше обнаружился дворецкий Росс. Он сосредоточенно и бережно приматывал к перилам свежие цветочные гирлянды.

Коу Дун лишился дара речи.

Такому трудолюбию можно было только позавидовать. В прошлый раз этот работяга посреди ночи штопал собственную шкуру, чтобы с утра как ни в чём не бывало приступить к обязанностям под другим именем. Сегодня он снова вкалывал в ночную смену.

Истинный фанат своего дела, готовый умереть на рабочем месте в буквальном смысле. Жаль, за сверхурочные в этом замке никто не доплачивал.

Закрепив последнюю охалку роз на балюстраде, дворецкий бесшумно спустился вниз и скрылся за дверью кухни. Вскоре оттуда донёсся тихий, мелодичный звон фарфора — похоже, Росс принялся натирать посуду до блеска.

На мгновение Коу Дуну даже стало немного совестно. Ведь не сожги он остальных слуг, дворецкому не пришлось бы отдуваться за весь штат в одиночку.

Действительно, неловко вышло.

Прикинув в уме, сколько времени займёт уборка кухни, Коу Дун скользнул взглядом по тёмному коридору. Кое-какая деталь вдруг привлекла его внимание. Он принялся пристально осматривать стены и углы.

Ничего.

В эпоху Средневековья церковь обладала абсолютным авторитетом, подчас превосходящим власть королей. Но в этом мрачном поместье не было ни единого намёка на христианскую веру. Ни распятий, ни икон, ни молитвенников. Замок дышал лишь тленом и древним злом, а на редких элементах декора скалились уродливые, искажённые маски. Хозяева этих мест явно отреклись от Бога, променяв его на служение силам тьмы.

Пазл в голове Коу Дуна начал складываться.

Он никак не мог взять в толк, почему любящий крёстный без колебаний одобрил этот брак и согласился превратить воспитанника в послушную марионетку. Но если этот союз — не что иное, как ритуал жертвоприношения, всё вставало на свои места.

Роль «невесты» изначально предполагала лишь одно: стать главным украшением алтаря перед тем, как ему выпустят кровь.

В найденном четверостишии оставалась лишь одна неразгаданная строчка. Судя по всему, ключевая — та, что указывала путь к спасению:

«В исходе ночи свершится Суд Господень...»

<http://bllate.org/book/18984/1896762>